

«СЕСТРЫ» ПОКАЗАНЫ В ВЕНЕЦИИ

После первого сеанса Сергей Бодров-младший дал интервью корреспонденту «НГ»

Михаил Сидлин

- КОГДА вышел фильм «Брат», заговорили о том, что этот фильм выражает новую национальную идею? Что ты об этом думаешь?

— Новая национальная идея — как-то это слишком общо. Я затрудняюсь ее сформулировать. Для меня в фильме «Брат» есть некая идея, достаточно важная... Но почему национальная?

— Какая же?

— Это — фильм о достоинстве, о простом, но ясном понимании мира. О такой жизненной позиции, которую можно определить двумя словами: «не прогибайся». Простые, но очевидные вещи. А уж что там национального...

— Российскому кино нужен новый герой. В какой-то момент из него исчезли герои. Такие, про которых ты говоришь «не прогибайся». Именно в этом смысле я говорил о появлении национальной идеи. Твой фильм «Сестры» создает такой образ русской девушки, которая «из огня да в полымя»...

— Хорошо, что не сказал про избу.

— А хотел.

— Если русское кино и получило какого-то нового героя из фильма «Брат» — наверное, это для кино хорошо. Для самого героя — в меньшей степени. Что касается фильма «Сестры» — конечно, это девочка, которая хорошо стреляет и хочет быть снайпершей в Чечне. Но мы хорошо понимаем, что неизвестно, чего она на самом деле хочет. Может быть, она просто посмотрела фильм «Брат-2» или, скажем, прониклась этой самой новой идеей. Может быть. Но для меня все-таки кино не об этом.

— Какой должна быть героиня нового русского кино? У тебя ведь есть в голове планы следующих фильмов?

— Я не подписывался на то, чтобы создавать новую героиню для русского кино...

— Но тут есть такая заявка, в этом фильме. На мой взгляд.

— Я не пытался этого делать осознанно. Естественно, я хотел внятно рассказать историю.

Сегодня объявят победителей 58-го Венецианского кинофестиваля. В 2001 году в Венеции основной конкурс раздвоился. У него появился «младший брат» — программа «Кино настоящего», предназначенная для фильмов молодых режиссеров (в то же время странным образом новый фильм знаменитого Вернера Херцога «Непобедимый» («Invincible») представлен в этой «молодежной» категории), стала призовой. «Сестры» были здесь единственной российской полнометражной картиной. На четырех сеансах не было ни ажиотажа, ни провала. Единственное, что выделяло российский фильм — плохое качество привезенной копии. Обозреватель «НГ» побеседовал с Сергеем Бодровым после первого показа.

Кино интересно снимать про достойных людей. И, наверное, интересно тоже снимать про демонических персонажей, но все равно они более ограничены. Вот и все. Поэтому героем того кино, которым я хочу заниматься, должен быть человек внутренне содержательный и достойный во всех смыслах. Мне интереснее слушать истории не про подлецов и мерзавцев, а про подвиги и героев. Есть очень тонкие истории про людей, которые обнаруживают себя абсолютно невероятно — история про милиционера, который гад, пьяница, взяточник и вдруг жертвует жизнью непонятно ради чего (один из сюжетных ходов фильма «Сестры»). — М.С.), не совсем придуманная. Они же есть! И коли ты снимаешь кино, ты выбираешь что-то для себя — ты выбираешь из того, что есть вокруг.

— Как нужно снимать русское кино, чтобы привлечь внимание западного отборщика?

— Я не сноб. Я не верю в идею «кино не для всех». Кино — это такая вещь, которая очень материальна, она связана с деньгами, с процессом и с производством. Это такой вид искусства (если уж можно назвать его искусством), который требует того, чтобы люди его смотрели, чтобы они ходили и покупали билеты. Поэтому история должна быть рассказана внятно, люди, которые в кадре и за кадром, должны быть честны в том, что они говорят. И должны примерно понимать, что они хотят сказать, хотя это необязательно формулировать словами.

Мне кажется, что кино должно быть национальным. Почему мы любим Такеши Китано? Потому что это — японец, и он снимает ки-

но о Японии. Почему мы любим Кустурицу? Это — югослав, снимает про югославов. Наверное, было бы правильно, если бы мы, русские, снимали кино о России.

— Какие примеры? Лунгин?

— Для меня в большей степени Балабанов.

— Баширов?

— Баширов, наверное, тоже. Если говорить о западных отборщиках...

— Это экстремальное кино про экстремальных русских. Водка-балалайка-революция.

— Ну, это просто неинтересно — западного отборщика этим не удивишь. И не нужно. Матрешки и в Венеции продаются. Это прошло, как прошла мода на бандитов и на бриолиненные волосы. А также давно прошла мода на ту самую Россию, которую мы потеряли.

— А не хочется снять такой тонкий фильм, который будет понятен аудитории в 10–20 человек в каждом городе мира?

— Наверное, хочется снимать такое кино. Но это нужно мочь себе позволить. По крайней мере снять это на свои деньги. Хотя Питер Гринуэй — один из моих любимых режиссеров. Но по ощущению сегодняшнего дня кино — это такая радостная и яркая история, которая требует энергии. Мне не нравится все, что определяется словами «эстетский», «неформальный» или «альтернативный». Мне также не нравится то, что предназначено для всех и для каждого.

— Нравится история умная, но популярная, скажем так.

— В ней должна быть энергия. То, что мы все хотим. То, к чему мы все стремимся и жадно припадаем. Мы тянемся к тому, что излучает энергию.